

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

© 2000 г., ЭО, № 4

ЧЕТВЕРТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРОВЕДЕНИЮ

18–19 ноября 1999 г. в отделе алтайских языков Института лингвистических исследований (ИЛИ) РАН (С.-Петербург) состоялась четвертая конференция по тунгусо-маньчжуроведению. Первая конференция (1993 г.), проведенная на базе отдела алтайских языков ИЛИ РАН, который был и остается одним из крупнейших центров по изучению языков и культур тунгусо-маньчжурских народов, была посвящена памяти этнографа и языковеда Г.М. Василевич. Вторая конференция (1995 г.) проводилась в память В.И. Цинциус, третья (1997 г.) была приурочена к 90-летию со дня рождения В.А. Аврорина. Четвертая, ставшая традиционной, конференция тунгусо-маньчжуроведов была посвящена 60-летию со дня смерти выдающегося русского ученого, этнографа, антрополога и лингвиста С.М. Широкогорова (1887–1939). В конференции принимали участие в основном специалисты из научных центров Санкт-Петербурга – ИЛИ РАН, Музея Антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Во вступительном слове заведующий отделом алтайских языков ИЛИ РАН А.М. Щербак кратко охарактеризовал жизненный путь С.М. Широкогорова, отметив тот факт, что его научное наследие было незаслуженно забыто, а работы по культуре и языкам тунгусо-маньчжурских народов, написанные им в эмиграции, оставались почти неизвестными российским ученым. Одним из центральных событий конференции стал доклад А.М. Решетова (МАЭ РАН) «Письма Л.Я. Штернберга к С.М. Широкоговору», в котором были представлены вниманию слушателей не только интереснейшие архивные материалы переписки С.М. Широкогорова с ведущими учеными-этнографами его времени, но и сообщены уточненные данные биографии ученого. В частности, А.М. Решетов обратил внимание на то, что годом рождения С.М. Широкогорова является 1887, а не 1889, как утверждалось ранее.

А.М. Певнов (ИЛИ РАН), выступивший с докладом «С.М. Широкогоров о терминах ориентации в тунгусо-маньчжурских языках», сосредоточил внимание на новом аспекте проблемы – типологии выражения пространственных отношений в разных группах алтайских языков. М.М. Хасанова (МАЭ РАН) прочитала доклад на тему «Взгляд С.М. Широкогорова на проблему сохранения эвенкийского литературного языка». Доклад, основанный на недавно опубликованной работе ученого «Эвенкийский литературный язык», привлек внимание к проблеме развития и судьбе литературных языков и письменности эвенков и других тунгусских народов. Докладчица выразила несогласие с тезисом С.М. Широкогорова о том, что эвенкийский литературный язык не имеет ни научной ценности, ни будущего, и высказала мнение, что опыты языкового строительства у эвенков в 1930-е годы и издание литературы на этом языке, которые имели продолжение в последующие периоды, бесспорно, имеют научную ценность. Доклад М.М. Хасановой вызвал дискуссию, в ходе которой было обращено внимание на то, что понятие «литературный язык» как обработанный нормированный язык письменных и устных текстов не должно отождествляться с понятием «письменность», включающим алфавит, графику, навыки письма и чтения, а основная проблема бытования письменной формы тунгусских языков связывается не с «качеством» письменного языка (верно или неверно выбран базовый диалект, соответствует или не соответствует графика звуковому строю языка и т.п.), а с общим уровнем развития письменности, который не зависит от отражения фонемного состава языка в графике.

А.А. Бурьякин (ИЛИ РАН) в докладе «О некоторых маньчжуро-тунгусских лексических соответствиях» обратился к лексике «чжурчжэньского» языка, не имеющей параллелей в других тунгусо-маньчжурских языках. По мнению автора, язык образцов малого чжурчжэньского письма и классический письменный маньчжурский язык представляют собой одну и ту же языковую формацию, и «чжурчжэньский» язык не обнаруживает отличий от маньчжурского ни в фонетике, ни в морфологии, а отмечаемые различия в лексике являются мнимыми, поскольку основываются не на недостатке документации и некоторых ошибках в определении значений слов в словаре «Хуа-и-и-юй» – основном источнике лексики текстов чжурчжэньского

письма. Рассмотрев 36 «чжурчжэньских» слов, для которых не было найдено параллелей в других языках, автор показал, что при таком прочтении этих слов и словосочетаний, которое основывается на идее тождества «чжурчжэньского» и маньчжурского языков, рассматриваемые слова находят параллели в маньчжурском, южно-(нанайском, орокском) и севернотунгусских языках, при этом все допущения о возможности заимствования ряда слов из других языков или принадлежности их неизвестному субстрату являются избыточными.

А.Л. М а л ь ч у к о в (ИЛИ РАН) в сообщении на тему «Императивные конструкции в эвенском языке» представил интересный материал, согласно которому повелительное наклонение в западных говорах эвенского языка различает не две, как принято считать, а три степени противопоставления. И.Н. Н о в г о р о в (Институт гуманитарных исследований, Якутск) в докладе «Ранние якутско-эвенкийские лексические связи» обратил внимание слушателей на объемную проблему якутско-тунгусских этнокультурных и языковых связей, представив новое видение известного материала.

Очень интересным для участников стал доклад Т.А. П а н (Санкт-Петербургское отделение ИВ РАН) «Маньчжурские столицы Китая». Исследовательница познакомила слушателей с историей городов, связанных с именами первых маньчжурских императоров. Это выступление сопровождалось демонстрацией слайдов, сделанных автором во время поездок в КНР. Особое внимание привлекло сообщение, что этноним «маньчжуры» и наименование «маньчжурский язык» были введены в обиход императорским указом в 1636 г. вместо ранее бытовавших наименований «чжурчжэни» и «чжурчжэньский язык», т.е. за разными наименованиями стоит один и тот же этнос с одним и тем же языком, и смена наименований, ставшая политическим актом утверждения нового самосознания, не отражает ни смены этноса, ни смены или эволюции языка во времени, как полагали ранее.

С.Е. Я х о н т о в (СПбГУ) выступил с весьма содержательным докладом на тему «Тунгусо-маньчжурские народы Китая», в котором, основываясь на трудах китайских ученых, обрисовал этноязыковую ситуацию у солонов, эвенков и нанайцев, проживающих в КНР, и остановился на вопросе о диалектном составе этноса, известного под китайским наименованием хэчжэ. Языковые материалы свидетельствуют о том, что в языке хэчжэ выделяются два диалекта, один из которых близок нанайскому языку, а другой обнаруживает одновременно южно- и севернотунгусские черты.

А.М. Щ е р б а к в основательном докладе «С.М. Широкогоров об аспирации и билабиализации в тунгусо-маньчжурских языках» отметил, что наблюдения С.М. Широкогорова в области фонетики тунгусо-маньчжурских языков противоречат построениям исторической фонетики алтайских языков, и напомнил, что отношение С.М. Широкогорова к гипотезе о генетическом родстве уральских и алтайских языков было довольно скептическим. С.Л. Ч а р е к о в (ИЛИ РАН) в докладе «Семантические особенности глагольных синкретических форм в эвенкийском языке» представил свои соображения о возможности использования данных современных агглютинативных языков тунгусо-маньчжурской и монгольской групп для рассмотрения проблемы происхождения языка и его эволюции на ранних этапах истории. Л.И. С е м (РГПУ им. А.И. Герцена) выступила с докладом «Этнография тазов», в котором всесторонне осветила природные условия проживания, историю, основные черты материальной и духовной культуры этнической группы тазов, живущих в Приморском крае. Доклад, основанный на полевых материалах, которые собирались автором за время работы в Дальневосточном научном центре (Владивосток), был с интересом встречен слушателями.

В заключительном слове председатель оргкомитета конференции А.М. Щербак подвел ее итоги, а также кратко осветил взгляды С.М. Широкогорова на тунгусский шаманизм, отметив, что понимание феномена шаманизма как комплексного, синкретического явления, объединяющего язык, фольклор, мировоззренческие представления и медицинские знания, все больше завоевывает популярность и признание в зарубежной этнологической науке, свидетельством чего служит переиздание трудов ученого и большое количество ссылок на его труды в публикациях зарубежных ученых.

Проведенная конференция показала, что среди отечественных тунгусоведов поддерживается преемственность традиций, одна из которых – сочетание описания языков малочисленных этносов с всесторонним изучением их культуры и фольклора, а также подтвердила прочность петербургской научной школы тунгусоведов, к которой восходят региональные сибирские научные школы североведов – этнографов и языковедов. Было принято решение провести в отделе алтайских языков ИЛИ РАН пятую конференцию по тунгусо-маньчжуроведению ориентировочно осенью 2001 г., посвятив ее 10-летию со дня смерти выдающегося ученого-монголоведа и тунгусоведа Н.Н. Поппе (1897–1991).

А.А. Бурькин